

ЦЕРКОВНЫЕ СТАРОСТЫ В СИСТЕМЕ ПРИХОДСКОГО ХРАМОПОПЕЧЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)

Шушвал Н.А.

ГОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет», Вологда, Россия (160035, г. Вологда, ул. С. Орлова, 6), e-mail: common@vologda-uni.ru

В статье рассматривается роль и место церковных старост в организации приходского храмопопечения в Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Подчеркивается, что институт церковных старост имел глубокие исторические и духовные корни на Русском Севере, а в исследуемый период оказывал большое влияние на храмостроительные и храмопопечительные практики. Исследуемые нами документы показывают, что церковные старосты обладали особым статусом в крестьянском сообществе: с одной стороны, они выполняли важные функции по материальному обеспечению и поддержанию благолепия храма, а с другой стороны, были связаны с ним духовно как с сакральным центром. Дела о награждении церковных старост похвальными листами и медалями позволили нам дополнить существующие представления о роли и месте старост в системе храмопопечения. Часто церковный староста участвовал в организации храмопопечения, и сам был, наряду со священно-церковнослужителями, первым попечителем, жертвуя деньги, приобретая имущество для церкви, участвуя в организации приходской жизни. Старосты, ревностно исполняющие свои обязанности, заслуживали уважение крестьянского сообщества, членов причта, благодарности от епархиального начальства, благословения от Св. Синода, похвальных грамот и медалей. Исследование продолжает цикл работ, посвященных изучению храмопопечения как этносоциокультурного института.

Ключевые слова: храмопопечение, храмостроительство, церковные старосты.

CHURCHWARDENS IN THE SYSTEM OF PARISH TEMPLE-GUARDIANSHIP (ON THE MATERIAL OF THE VOLOGDA PROVINCE SECOND HALF XIX - EARLY XX CENTURY)

Shushval N.A.

Vologda State Pedagogical University, Vologda, Russia (160035, Vologda, street Orlova, 6), e-mail: common@vologda-uni.ru

In this article discusses the role and place of churchwardens in parish the temple-guardianship in Vologda province in the second half of XIX - early XX century. The article emphasizes that the institution of churchwardens had deep historical and spiritual roots in the Russian North. During the study period it greatly influenced the temple-building and the temple-guardianship practices. Investigated documents show us that churchwardens had a very special status in the peasant community: on the one hand, they perform an important function for material maintenance and keeping grandeur of the temple. On the other hand, they were related with it spiritually since it was a sacred center. Documents on awarding churchwardens with certificates of merit and medals allowed us to complement the existing ideas about the role of churchwardens in the system temple-guardianship. Often, churchwarden was participated in the organization of temple-guardianship, and along with clergymen, he was a first trustee himself donating money, acquiring the property for the church, participating in the organization of parish life. Churchwarden, who earnestly performs their duties, deserves respect of the peasant community and members of the clergy, gratitude from eparchial heads, blessings of the Holy Synod, certificates of merit and medals. This research continues a series of studies on temple-guardianship as an ethnic and socio-cultural institution.

Keywords: temple-guardianship, temple-building, Churchwardens.

Храмопопечение – проявление заботы о храме – являлось одной из традиционных форм общественного служения севернорусских крестьян. Оно было продолжением давней традиции, ведущей свое начало с XV века, когда на Русском Севере развернулось

повсеместное строительство церквей «на мирском иждивении» [12, с. 8].

Так, изучая историко-географический ареал Двинско-Важского бассейна, этнограф Т.А. Бернштам отмечала, что «самый факт приоритета мирского – народно-приходского – устройства православной жизни в севернорусском регионе – многовековая историческая действительность» [1, с. 238]. Традиционно на Русском Севере приходы обладали большой автономией. Такое явление было связано с двумя факторами – географическим (приходы были распределены по большой территории и часто находились на далеком расстоянии от церковного центра) и социальным (черносошные, а затем государственные крестьяне, проживающие на большей части Европейского Севера, перенесли систему местного управления на организацию приходской жизни) [12, с. 24-25]. В таких условиях церковный староста играл важную роль в жизни прихода, являясь «его поверенным». Члены общины из своей среды избирали «добрых и пожиточных людей», «Бога боящихся», для заведования церковным хозяйством. Вплоть до XVIII века духовное начальство почти не вступалось в отношения прихожан к приходскому храму и не устанавливало никакого контроля над деньгами, собираемыми или жертвуемыми в пользу храма [15, с.1].

В рамках данной статьи предполагается рассмотреть роль церковных старост в организации приходского храмопопечения в Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Источниками для данного исследования послужили дела о строительстве церквей и часовен, о награждении церковных старост похвальными листами и медалями, отчеты благочинных о пожертвованиях, хранящиеся в Государственном архиве Вологодской области в фонде Вологодской духовной консистории.

Этап церковного строительства был важным консолидационным моментом в формировании духовных и социальных связей внутри прихода, при уже имеющихся, сохраняющихся веками географических границах. Во время строительства в приходе сформировывался церковный актив людей во главе со священником и церковным старостой, которые и в дальнейшем принимали непосредственное участие в организации храмопопечения. Таким образом, храмостроительство можно без преувеличения называть духовной и материальной основой храмопопечения.

Институт церковных старост выполнял важную организационную функцию на этапе строительства храма. Не случайно священник Феодосий Малевинский в церковно-историческом описании Стрелицкой Преображенской церкви Тотемского уезда, настоятелем которой сам являлся, подчеркивает особое значение деятельности церковных старост в жизни православного прихода. Он пишет, что церковные старосты издревле были «главными сотрудниками приходских пастырей при устройстве, расширении и украшении местных

храмов» [14, с.73]. В церковных летописях также нередко можно встретить тому доказательства. Например, священник Новокуножской церкви Тотемского уезда описывал участие старосты в одном из важнейших для церкви событий – покупке нового колокола – следующим образом: «Приобретение колокола принадлежит исключительно церковному старосте, который лично ездил на Слободской завод Вятской губернии, на котором продал прежний колокол весом 40 пудов, а за остальные 4 пуда и 40 фунтов доплатил свои деньги» [9, л. 8].

Дела о строительстве церквей помогают понять роль и статус церковного старосты внутри приходского сообщества. Староста должен был неотлучно находиться при храме, поскольку на него возлагалось большое количество обязанностей, связанных с организацией строительства. Так, например, в материалах дела о возведении новой церкви в Устькулойском Благовещенском приходе Вельского уезда встречаем жалобу одного из прихожан на то, что в старосты был выбран «торгующий» крестьянин, который отлучался по своим торговым делам в разные города, что не нравилось многим прихожанам [7, л. 124].

Церковный староста, избираемый для приобретения, хранения и употребления церковных денег и имущества, был духовно связан с храмом и приходом, которому служил. Он осознавал свою миссию по устройству приходского храма как духовного центра и был одним из первых попечителей о храме. Важность функций, возлагаемых на старосту приходским сообществом, проявлялась в форме присяги старосты, приведение к которой стало обязательным только с 1890 года. «Я, нижеименованный, обещаюсь пред святым евангелием и животворящим крестом Господним исполнять обязанности старосты церкви по инструкции, мне данной, ревностно, честно, со страхом Божиим, во благо святой церкви и для спасения моей души, помня, что в сем должен буду дать ответ пред законом и Господом Богом на страшном суде Его. В уверение же сего моего обещания целую слова и крест Спасителя моего. Аминь» [11, с. 1374]. В данной присяге важное место занимают идея служения своей приходской церкви и ответственности за это служение перед Богом.

Согласно Инструкции, на церковного старосту возлагались следующие обязанности: 1) сбор денег в церковный кошелек и кружку, прием всякого рода сумм, вкладов и приношений; 2) продажа восковых свечей и огарков; 3) покупка, по распоряжению причта, всего необходимого для церкви; 4) ведение приходо-расходных книг, которое в крестьянской среде, из-за неграмотности старосты, чаще возлагалось на членов причта; 5) поддержание в исправности, обновление и поновление ризницы и церковной утвари; 6) ближайшее наблюдение за исправным состоянием церковного здания и утвари; 7) надзор за отоплением, освещением и чистотой в церкви, исправностью сторожей и других служителей церкви; 8)

присмотр за домами, приобретенными церковным иждивением, в том числе, и домами причта, за лесными дачами; 9) наблюдение за тем, чтобы в пределах прихода не происходило противозаконной продажи восковых свечей; 10) наблюдение за сохранением тишины и порядка во время богослужения в церкви и вне ее – во время крестных ходов. Такое служение на благо своей приходской церкви безусловно заслуживало достойного внимания и поощрения. Поэтому церковные старосты представлялись к наградам и поощрениям. Старосты из крестьянского сословия могли награждаться серебряными медалями сначала для ношения на груди на «Аннинской ленте», а затем к медалям для ношения на шее, прежде на Станиславской, а затем на Аннинской лентах.

Пониманию масштаба и значения деятельности церковных ктиторов для храмопопечения помогают дела о награждении церковных старост [4, 5, 9]. В них содержатся рапорты благочинных о 25 старостах-крестьянах. Каждый рапорт содержал прошение благочинного о награждении, наградной список, состояние церковного дохода за те годы, когда староста находился в своей должности, информацию о собственных пожертвованиях представляемого к награде.

Статистический анализ источников показывает, что особую заботу церковных старост составляло внутреннее и внешнее благолепие храма. Среди основных заслуг у 48 % представляемых к наградам церковных ктиторов называются работы по изготовлению и украшению иконостаса, на втором месте (36 %) стояли работы по сооружению новой ограды вокруг церкви, на третьем – работы по ремонту крыши храма (28 %). Собственные пожертвования старост в основном направлялись на текущие расходы храма – 52 %. Некоторые старосты на собственные средства покупали церковную утварь – 28 %, занимались церковным или часовенным строительством – 16 %, или содержали хор – 12 %.

Так, например, о церковном старосте Трифоновской Уфтюжской церкви Кадниковского уезда крестьянине Дмитрие Волкове, который 11 лет исполнял эту должность, благочинный пишет: «Ревностно исполнял обязанности по должности церковного старосты за все время службы и много понес трудов и работ по благоустройству приходского храма. ... Его тщанием обновлен иконостас и произведена окраска полов, стен и потолков в теплом храме, улучшена ризница и для благолепия богослужения заведен певческий хор, причем на пополнении ризницы и содержание хора пожертвовано им из собственных средств 1108 руб. 82 коп. » [9, л. 21]. В журнале Вологодской духовной консистории было определено следующее: «Принимая во внимание то, что Волков имеет уже золотую нагрудную медаль на Аннинской ленте за 25-летние труды на пользу земства, за службу же в должности церковного старосты не был поощрен с 1907 года, Консистория полагала бы представить его

установленным порядком к серебряной медали, для ношения на шее, на Владимирской ленте» [9, л. 21 об.].

Дела о награждении церковных старост позволяют дополнить существующие представления о роли и месте старост в системе храмопечения. Статистический анализ показал, что на момент подачи ходатайства о награждении средний срок службы церковного старосты, представляемого к награде, составлял 11 лет. Выборы старосты проходили каждые три года, поэтому не случайно, что среди представляемых к различным поощрениям, а значит, и самых рачительных старост, средний срок службы был достаточно велик. Один из примеров находим в церковной летописи: «10 января прихожане избрали из своей среды человека для занятия должности церковного старосты. Внимание избирающих было исключительно обращено на крестьянина деревни Константиново Петра Прохорова, который два уже кряду трехлетия с безукоризненной честностью и усердием к храму проходил должность церковного ктитора» [3, л. 21 об.].

Вот еще несколько примеров деятельности старост по Тотемскому уезду: «... Церковные старосты ... служат другое трехлетие с особенною пользою и старанием о благоустройстве своих приходских храмов, при весьма честном и похвальном поведении. ... Брусенской Христорожественской церкви староста Арсений Петров Адриановский в четырехлетний период службы, сверх наличной суммы 516 руб. 51 $\frac{1}{4}$ коп., принятой им от прежнего старосты, умножил церковные доходы до 1058 руб. 79 $\frac{3}{4}$ коп., на каковые деньги им поправлен и вызолочен иконостас в холодном храме, выкрашен пол желтою краскою, устроена и покрыта вновь тесом, распавшаяся по листам каменная ограда. Другой староста Моисей Харлампиев Меледин, приняв от прежнего старосты всего 60 руб. 56 $\frac{1}{2}$ коп. церковной суммы, нашел средства через умножение разных сборов по приходу и окрестным селениям совершенно окончить в 1873 году стенную живопись в холодном храме Воскресения Христова, с уплатою за нее 300 руб. А в 1874–1875 гг. окрасил крышу на церквах, переменял два разбитых колокола, приобрел среброзолоченый крест весом 166 золотников, на что им употреблено денег до 1500 руб., в числе коих пожертвовано им значительное количество из своей собственности» [6, л. 63–63 об.].

Один из благочинных Сольвычегодского уезда в 1910 году, сообщая о заслугах церковного ктитора Черевковской Успенской церкви, писал в Консисторию: «церковным старостой с 1908 года состоит местный крестьянин деревни Мылина Михаил Иванов Заборский. В настоящее время – время понижения благотворительности в пользу церкви и равнодушного отношения к ней – особенно приятно отметить тот факт, что есть еще светлые личности, преданные всей душой служению церкви и храму Божию. Такой личностью

является и церковный староста Черевской Успенской церкви. С самого начала его служения ему пришлось много потрудиться в деле украшения местного храма и его ремонта. При означенном храме в бытность его церковным старостой была произведена стенная живопись, поставлены величественные заклиросные киоты и железные решетки по всей солее храма и другие мелкие предметы. На эти работы церковным старостой Заборским вложено много своих собственных средств. Так, на заклиросные киоты от него поступило пожертвований 200 рублей и на решетки в храме 300 рублей. Жертвы его не ограничились этим. Им были пожертвованы пасхальные облачения для священников и диакона, стоимостью в 450 рублей, одна риза из шелковой материи стоимостью около 60 рублей, билет Государственной 4 % ренты в 1000 рублей на поминование рода» [8, л. 58–59].

Среди старост были и такие, которые не вносили собственных пожертвований, но награждались за попечительскую деятельность. Так, например, в 1862 году похвальным листом был награжден мастерской казенного Леденгского Солеваренного завода, – церковный староста находящийся при нем церковью, который более 12 лет заботился о благосостоянии храмов, но по ограниченности средств не мог производить собственные пожертвования, т.к. его годовое жалование составляло всего 17 руб. 10 коп. [5, л. 6 об.]. Церковный староста Николаевской Становской церкви Грязовецкого уезда также не вносил собственных пожертвований в приходскую церковь, но, как написано в его наградном списке, «онные заменяет пожертвованное время, которое можно было употребить ему для собственных крестьянских работ» [4, л. 13 об. – 14]. Таким образом, церковный староста должен был исполнять не только должность эконома, но и показывать пример истинного попечения и радения о своей приходской церкви.

Старосты, ревностно исполняющие свои обязанности, заслуживали уважение крестьянского сообщества, членов причта, благодарности от епархиального начальства, благословения от Св. Синода, похвальных грамот и медалей. Это уважение проявлялось и при жизни ктитора, и после его смерти. Так, например, в Вологодском уезде прихожане Покровской Слободской церкви в память умершего церковного старосты Василия Андреева Козырева для вечного его поминовения пожертвовали банковский билет на 100 рублей, с правом пользования процентами в равной части церкви и причту [10, л. 21].

Примеры особого отношения крестьян к церковному старосте можно увидеть на материалах Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. В Тиксенском приходе Тотемского уезда по распоряжению епархиального начальства был уволен от должности церковный староста Федор Александрович Пестов (местный купец). Указ об увольнении Пестова и избрании нового кандидата был прочитан местным священником в церкви, после чего

поднялся такой шум, что тот был вынужден удалиться в алтарь [13, с. 376]. Крестьяне выразили протест против удаления старосты, который, по-видимому, им нравился, думая, что инициатором данного решения был сам священник.

Церковный староста традиционно занимал центральное место в системе храмопопечения. Он избирался из среды крестьян и ведал церковным хозяйством, заботился о благолепии храма, принимал пожертвования от прихожан. Часто церковный староста участвовал в организации храмопопечения и сам был, наряду со священно-церковнослужителями, первым попечителем, жертвуя деньги, приобретая имущество для церкви, участвуя в организации приходской жизни. Его усердная попечительская деятельность вызывала уважение в среде прихожан и благодарность со стороны епархиального начальства. Во многом именно усилиями приходских старост в указанный период в Вологодской губернии проводилось церковное строительство и осуществлялось поддержание в храмах необходимого благолепия.

Список литературы

1. Бернштам Т.А. Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно-социокультурных процессах // Русский Север: К проблеме локальных групп. / Ред.-состав. Т.А. Бернштам. – СПб.: МАЭ РАН, 1995. – С. 208–298.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1063. Оп. 1. Д. 1091.
3. ГАВО. Ф. 1063. Оп. 93. Д. 29.
4. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 13214.
5. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 13482.
6. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16284.
7. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15140.
8. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18886.
9. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 19458.
10. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 20134.
11. Именной высочайший указ об инструкции церковным старостам // Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам, с воспоследовавшими по ним разъяснениями, содержащимися в решениях Правительствующего сената и в постановлениях и распоряжениях высших правительствующих учреждений / сост. и изд. И.Л. Горемыкин. – СПб.: Тип. Д.В. Чичинадзе, 1898. 2 т. – С. 1370 – 1380.

12. Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 года. – Вологда, 1992. – 164 с.
13. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Ч. 4. Вологодская губерния. – СПб.: Деловая полиграфия, 2007.
14. Спас на Стрелице: исследования и материалы по истории одного севернорусского православного прихода / Под общ. ред. А. В. Камкина, научн. ред. Р.П. Биланчук; сост. С.А. Тихомиров. – Вологда: Книжное наследие, 2003. – 160 с.
15. Что такое церковный староста?: Опыт историко-критический исследования о происхождении и развитии Института церковных старост в России / К. И. – С.-Петербург: Тип. А.П. Лопухина, 1902. – 23 с.

Рецензенты:

Саблин В.А., д.и.н., профессор, Вологодский государственный педагогический университет, г. Вологда.

Черкасова М.С., д.и.н., профессор, Вологодский государственный педагогический университет, г. Вологда.